

ГЕНЕРАЛОМ МНЕ БЫТЬ НЕИНТЕРЕСНО

**Свое 70-летие
Аркадий Вайнер
встречает во всеоружии**

Без. Москва. 2001. — 112 стр. — 6

Наша встреча со старшим из знаменитых братьев-писателей Аркадием Вайнером имела место на телеканале «Дарьял ТВ», где Аркадий Александрович — царь, бог и воинский начальник, т. е. генеральный продюсер (а Наталья Аркадьевна Дарьялова, соответственно, — генеральный директор).

Виктор ГАЛАНТЕР

В роскошно декорированном павильоне № 4 Киностудии Горького (где базируется телеканал) с «натуральными» озерами, мостами, антуражем из обихода древнего племени майя и пр. снимали очередную программу. Охранники у железной (бронированной?) двери в павильон заговорщицки шипели «тес!» По коридорам вдохновенно дефилировали творческие сотрудники: деловито — техперсонал, надменно — ошеломительно красивые телевизионные барышни, при виде которых даже у нашего кое-что повидавшего в жизни фотографа челюсть опала на фотоаппарат. Словом, кипела нормальная будничная телевизионная жизнь.

В нагрузку к «Боингу»

— Аркадий Александрович, ныне вы в некотором роде телемагнат. Каковы ваши обязанности телемагната?

— (Смеется) Единственное, что я не делаю, так это полы не мою, и то из-за недостатка времени. Я отношусь к той категории руководителей, которые никому ничего не доверяют и все стараются делать сами. Я понимаю, какой это ужасный порок, но ничего с собой поделаться не могу. При том, что у нас замечательная команда, которая работает в основном по анекдоту: «Вы спите с Николаем Ивановичем по любви или за деньги?» — Конечно, по любви, разве сто рублей — это деньги? Так и мои сотрудники — по любви. Потому что денег они получают немного, хотя и больше, чем на других всероссийских каналах: там оклады огромные, но как бы виртуальные, поскольку их не выплачивают по многу месяцев. Так вот, я занимаюсь всем: и планированием, и кадрами, и съемками, и участием в съемках... Вот только сценарии писать не успеваю, хотя и хочется.

— А книги?

— О книгах не может быть и ре-

чи. У нас с братом уже четвертый год лежит рукопись большой вещи, которая подвигается так медленно, что стыдно даже об этом рассказывать.

— Как и во всяком деле, у вас с Натальей Аркадьевной, видимо, случаются разного рода разногласия и недоразумения. Бывает, что вы решаете их грозным отцовским окриком?

— Боже упаси! Во-первых, у меня не такая дочь, на которую можно повлиять окриком. Она сизмалу, будучи совершенно правопослушной девочкой, имела, однако, твердый характер и умела отстаивать свое мнение. С течением лет у нее это качество замечательно развилось, она твердо знает, чего хочет, и умеет этого добиваться. Выглядит Наташа, как вы знаете, белой и пушистой, но при этом характер у нее «железной леди». Она долгое время вела на РТР и тогдашнем «Останкино» замечательную передачу «У всех на устах», но ее выкидывали то отсюда, то отсюда. И в один прекрасный момент ее осенило: единственный верный способ уберечь передачу — основать собственный телевизионный канал. Что с присущей ей энергией и умом и не без моей помощи и было сделано.

— Бестактный вопрос: каков ваш с дочерью вклад в уставный фонд канала?

— Чрезвычайно весомый. Нам принадлежит значительная часть акций канала. Учредители на общем собрании рассудили: Аркадий Вайнер и Наталья Дарьялова обладают столь серьезным интеллектуальным капиталом (в самых разных формах: от литературных до чисто телевизионных), что могут быть акционерами элитного круга. Другие же акционеры, у которых на тот момент замечательно шли финансовые дела, прикупили новенький «Боинг», а заодно выделили деньги на основание телевизионного канала.

Без кулис и умолчаний

— Ваш брат Георгий Александрович живет то в Москве, то в Нью-Йорке, то в Париже. А вы — патриот?

— Наверное, те чувства, которые я испытываю к родной Марьиной Роще, к родной Москве и вообще к родной России, можно поименовать и так пафосно. Хотя я бы воздержался. Я сторонник несложных определений. Я бывал чуть ли не во всех странах, но только здесь я у себя дома, здесь я — хозяин.

— Хозяин телеканала?

— Вы уже обозвали меня «телемагнатом», каковое наименование вызывает у меня радостный смех, поскольку вторая его часть предполагает некий материальный уровень, отличный от заработной платы. А у меня —

**Я не формалист
и не ограничиваю себя ничем.
Если надо, скажу какие-то,
может быть, очень резкие
и обидные слова.
А если надо будет —
просто пристрелю**

только зарплата. К слову, руководить людьми — это тяжелый и зачастую неблагодарный хлеб. Я его не хочу и не люблю! Мне предлагали баллотироваться в Госдуму, предлагали генеральские должности в МВД — я, не раздумывая ни секунды, отказывался. Мне это неинтересно.

— А что за генеральские должности вам предлагали? Можно подробнее?

— Например, еще при Щелокове. Незаслуженно, кстати, запачканном министре МВД, потому что был он человеком интересным и весьма неглупым. Во всяком случае, он был ничем не хуже других министров МВД, а я знал лично почти всех. Главной

целью его жизни было создание народной милиции, которую бы народ любил! Тут он слегка перебарщивал. Я ему говорил: «Николай Анисимович, народ милицию любить не будет! Он не может ее любить по определению. Пусть он ее уважает. А любить — пусть девушки любят молодых милиционеров, а милиционеры, соответственно, — девушек». Он мне предлагал очень высокую почетную должность заместителя начальника штаба МВД, хотя я тогда уже оставил свою работу старшего следователя по особо важным делам и переключился на писательство.

— А начальником штаба был в то время, если не ошибаюсь, известный генерал Крылов?

— Совершенно верно. Крылов — человек уникальный в своем роде, потом он, если можно так сказать, вынужден был застрелиться. Я не могу с таким решением согласиться: если у тебя есть враги, нужно их стрелять, а не самому стреляться. А его врагом был могущественный зять Брежнев, небезызвестный Чурбанов. Я был дружен с этим светлым, на редкость интеллигентным человеком, Сергеем Михайловичем Крыловым, — мы с братом проди-звали его «огаревский мечтатель» (Огарева — адрес МВД). Он был умница, прогрессист, хотел эту малоформленную идею Щелокова о любви народа к своей милиции довести до ума и до реального воплощения. Он был могущественнейший человек в свое время. Нынешнее поколение вряд ли представляет себе, каким могуществом обладали эти два силовых ведомства — МВД и КГБ. (Ностальгическая пауза) Какими невероятными властными полномочиями!

— В ваших словах слышится ностальгия.

— Вы не ошиблись. Я действительно испытываю ностальгию. Но не потому, что ретроград (я уверенно считаю себя архипрогрессивным человеком). Я ностальгирую по тому хорошему, что мы утратили в процессе революционных преобразований. Слово «революционных», заметьте, я не беру в кавычки. Революция, в итоге которой временную победу одержала анархия. Или, используя рожденное

этой самой революцией слово, — беспредел!

— Социальные пертурбации очевидным образом способствовали психологической ломке в миллионах умов. А вас новая жизнь сколько-нибудь изменила?

— Претерпела изменения основная уверенность, на которой зиждилась вся моя сознательная жизнь: я был убежден, что все перемененно и лишь характер человека — константа, вещь постоянная. И вот я понял, что был не прав. Я не говорю о тех, кто микрировал, просто сбросил маску. Характеры меняются! Робкие становятся храбрецами и нахалами, неотесанные — новой интеллигенцией... Это, кстати, одна из причин того, что мы с братом так медленно пишем свою книгу: ругаются железобетонные установления нашей прежней жизни — мол, каким человек родился, таким и помрет.

— А какие ваши установки остались неизменными?

— Я никогда не страдал от скромности (вы это уже, наверное, заметили). Это качество, откровенно говоря, мне чуждо. Считаю, что скромность синоним серости. Скромность в крайнем случае может украшать несовершеннолетнюю девушку. А такой прошедший огонь и воду муж, как я, уже может позволить себе судить обо всем свободно — без ложных кулис и умолчаний.

Высоцкий убедил

— Аркадий Александрович, если вернуться к вашему ответу на мой патетический вопрос о патриотизме, то из него можно сделать далеко идущий вывод: вы с братом совершенно разные люди.

— Абсолютно! Между нами семь лет разницы в возрасте. За это время, как следует из одной популярной теории, человек вообще решительным образом обновляется. Видимо, наши родители за этот срок настолько обновились, что между нами нет решительно ничего общего, начиная с внешности. Что не препятствует нашему взаимопониманию и постоянному любовному общению. Я Жору воспитывал, как старший брат. Руководил его развитием. Где-то и баловал как младшенького. Потом много лет, будучи холостяком (а я уже женился), он жил у меня на диване...

— Время от времени народ начинают будоражить слухи о якобы готовящемся продолжении эпохального фильма по вашему с братом сценарию «Место встречи изменить нельзя».

— Сценарий продолжения давним-давно написан — по инициативе Владимира Семеновича Высоцкого. И основная сюжетная коллизия привнесена Володи. Он во время съемок настолько возлюбил это произведение и свое участие в нем, что в один прекрасный день пришел с идеей продолжения сериала в том же объеме. Мы отказывались, у нас с Георгием были свои творческие планы. Но надо знать Высоцкого и мощь его убеждения. И мы не устояли, подали заявку, она была принята. И тут Володя умер.

— В чем заключалась идея продолжения?

— В нашем жанре не принято обнародовать сюжет, до того как произведение увидело свет. Кое-что все же скажу, так и быть. Сохранилось немало киноматери-

алов с Высоцким, не вошедших в сериал. В продолжении герой Высоцкого погибает в первой серии, дальнейший сюжет — раскрытие преступления, в результате которого погиб Жеглов.

— Так сценарий все-таки может быть экранизирован?

— Не может, а будет. Сегодня, как и во всем остальном, это только вопрос денег.

Мою дачу обокрали четыре раза

— Есть люди, перед которыми вы готовы открыться по-настоящему?

— Интересный вопрос, ответ на который или будет лицемерным или может быть сочтен лицемерным. Абсолютно душу и все остальное я открываю перед своей женой. Но, наверное, всякий нормальный человек что-то оставляет и самому себе, и не обязательно «плохое». Чем больше ты пишешь и рассказываешь о себе, тем более одиноким ты становишься. Закон сохранения материи.

— Жена — самый близкий вам человек. А часто вы даете ей поводы для огорчений?

— Она у меня такая умная, что

**«Между нами нет
решительно ничего
общего, начиная
с внешности». 70-е годы**

по ней никогда и не скажешь, дал ей такой повод или нет. Она умнее меня в десять раз. В отличие от меня, простого человека, она заслуженный врач России, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой, светило мировой онкологии, красавица. Поэтому я избегаю давать ей поводы быть мною недовольным. А то, глядишь, она меня уволит. И что я тогда буду делать?

— Вы работали следователем, сюжеты ваших романов так или иначе завязаны на криминал. А в новой жизни вы каким-либо образом соприкасались с людьми криминала? Ориентируетесь в «теме»?

— Приходится ориентироваться. Ко мне даже на дачу наведываются, однажды вот пришел местный авторитет, который заведовал, что поскольку я «справдл-

вый писатель», то он гарантирует мне неприкосновенность. После чего мою дачу обокрали четыре раза, и пока я не поставил усиленную охранную сигнализацию, до тех пор не был спокоен на судьбу своих архивов, которые, впрочем, воров мало интересуют. А ничего больше ценного на даче уже нет. Я вот очень люблю работать с хорошим инструментом, всю жизнь собирал замечательную коллекцию пил, дрелей и прочего — так от нее ничего не осталось.

— С какими людьми вы никогда не стали бы иметь дело?

— Больше всего на свете я ненавижу ложь. Есть лжецы-фангазеры, они существуют в придуманных ими мирах и приглашают нас с вами жить. Это безобидная категория лжецов, особенно если ты про них это знаешь и не даешь вовлечь себя в их химеры. Есть корыстные лжецы, я отношусь к ним с пониманием. Потому что в нашей сложной действительности голой правдой-маткой многого не добьешься. Не скрою, что, ненавидя ложь, я иногда искажаю правду в своих деловых взаимоотношениях — чтобы канал процветал, чтобы книга разошлась... Как литератор-сочинитель могу кое-что, скажем так, досочинить. И раскаяния не испытываю. И наконец, категория лжецов-подлецов. Это люди, которые хотят обмануть твою душу, которые хотят паразитировать на тебе за счет лжи. Этим я ненавижу по-настоящему.

Я ненавижу вульгарных, циничных уголовников. Я ненавижу насильников и хулиганов и немалую часть своей жизни посвятил борьбе с ними.

— Если вас кто-то обидит, в какой форме проявляется ответная реакция?

— Я не формалист и не ограничиваю себя ничем. Если надо, скажу какие-то, может быть, очень резкие и обидные слова. А если надо будет — просто пристрелю.

— Бывали прецеденты?

— К счастью, нет. Но я, будучи членом Комиссии по помилованиям при президенте РФ, вопреки всему составу комиссии и ее председателю писателю Приставкину, который много раз менял свою позицию по отношению к смертной казни (в зависимости от позиции руководства), своей позиции не менял. Я считал, что мы не в Швеции, это в Швеции есть миленький обычай: в городской тюрьме время от времени взвивается национальный флаг — это означает, что туда поступил новый заключенный. Один. А у нас кровь льется рекой. На свободе находится бесчисленное количество негодяев, способных калечить и убивать беззащитных по сути людей в угоду своим прихотям. Так вот, пока это так, никакая отмена смертной казни у нас недопустима. Только расстрел. Я так считаю.

Досье «ВМ»

Аркадий Вайнер родился 13 января 1931 года. Окончил школу с золотой медалью, поступил в Авиационный институт. После первого курса перешел на юридический факультет МГУ. Работал следователем в 21-м отделении милиции. «Ушел в писатели» с должности начальника следственного отдела МУРа. Имеет около сорока наград, ни одного взыскания.

Автор (совместно с Георгием Вайнером) романов и повестей «Часы для мистера Келли», «Я следователь», «Визит к Минотавру», «Эра милосердия» («Место встречи изменить нельзя»), «Петля и камень в зеленой траве», «Евангелие от палача» и др.

С июня 1999 г. — генеральный продюсер «Дарьял ТВ».